

Чу Чжаохуай вспыхнул до самых корней волос. Ладонь Цзи Сюня, всё еще властно сжимавшая его талию, лишала всякой возможности к бегству.

Взоры тайных стражей, острые, точно наконечники стрел, впились в него со всех сторон. Охваченный единственным желанием — исчезнуть, провалиться сквозь землю, — юноша в отчаянии извернулся и спрятал лицо на груди князя.

Притворился мертвым.

Цзи Сюнь лениво погладил рассыпавшиеся по плечам Чжаохуая черные пряди. Чувствуя ладонью, как дрожь сотрясает хрупкое тело, он холодно вскинул глаза на своих людей.

Инь Чжуншань пал на одно колено, всем своим видом выражая готовность принять кару:

— Прошу Ванье простить мою оплошность...

— Приготовьте воду для купания, — велел Цзи Сюнь.

Ин-тунлин опешил. Не услышав привычного «лишить жалованья на десять лет», он почувствовал себя так, словно получил высочайшее помилование.

Взмах руки — и стражи, стараясь не выдать своего присутствия даже шорохом, исчезли с такой невероятной быстротой, будто у каждого внезапно выросло по восемь ног. Лишь бы не мозолить глаза господину.

Услышав стук закрывшейся двери, Чжаохуай робко пролепетал:

— Все ушли?

— Нет, — лениво отозвался князь. — Сотни стражей всё еще теснятся в этой комнате. Взоры их пылают, точно факелы, и они только и ждут момента, чтобы испепелить Ванфэй своим вниманием.

Чу Чжаохуай: «...»

Ему было далеко до бесстыдства Цзи Сюня. Уловив в его словах привычную желчь и почувствовав, что ледяная рука наконец отпустила его талию, юноша, подобно напуганному зайцу, сорвался с его колен.

Перед тем как отскочить, он — словно невзначай — чувствительно наступил Цзи Сюню на ногу.

Поспешно оправляя помятые одежды, Чжаохуай чувствовал, как пылают уши. Стараясь сохранить хоть каплю достоинства, он процедил:

— Куда уж мне до вашей невозмутимости и... безграничной отваги.

Цзи Сюнь усмехнулся.

«Отвага» в устах лекаря явно означала «редкостное бесстыдство».

Кончики пальцев Чжаохуая всё еще подрагивали. Казалось, он весь пропитался властным, тяжелым ароматом собеседника... и еще этим запахом жареных каштанов. Ему нестерпимо хотелось поскорее вернуться и переодеться.

Пока он лихорадочно придумывал предлог, чтобы уйти, Чжоу Хуань и несколько слуг уже внесли в комнату бадью, установив её за ширмой.

Чжаохуай поспешно отвернулся, стараясь не смотреть на приготовления.

Вода, принесенная Чжоу Хуанем, разумеется, была ледяной. Гвардеец перевел взгляд с промокшего до нитки господина на растрепанного Ванфэй и участливо спросил:

— Ванъе, велите ли принести еще одну бадью, с горячей водой, чтобы Ванфэй тоже мог искупаться?

Чу Чжаохуай: «...»

Цзи Сюнь заметил, как кулаки юноши, стоящего к нему спиной, сжались до белизны в костяшках.

— Ступай, — небрежно бросил князь.

Чжоу Хуань замялся:

— Никого не оставить прислуживать?

Вспомнив о «немоцных» ногах господина, гвардеец внезапно прозрел. Раз уж Ванфэй здесь, посторонним в этой келье делать нечего.

Он подхватил стопку свежих одежд и, сделав несколько быстрых шагов, положил их на стол перед Чжаохуаем.

— Ванфэй придется потрудиться, — почтительно произнес он и, развернувшись, вышел вон.

Чу Чжаохуай: «?»

При чем тут он?!

Ах, ну да, это ведь он опрокинул на Цзи Сюня каштаны с ледяной водой. Но это вовсе не значило, что он обязан помогать ему мыться!

Князь небрежно смахнул остатки каштанов с ложа и с легкой улыбкой протянул руку:

— Полагаюсь на заботу Ванфэй.

Ванфэй: «...»

Бежать было некуда. Скрепя сердце, Чжаохуай подошел ближе и едва коснулся локтя собеседника, надеясь одним лишь «сильным духом» поднять того на ноги, не вступая в лишний контакт.

Цзи Сюнь церемониться не стал. Он тяжело оперся на худое плечо юноши всем своим весом.

От неожиданной тяжести Чжаохуай издал сдавленный звук, едва не рухнув на колени.

— Ты!..

К такому «сближению» он решительно не был готов!

— Ах, — с притворным сожалением выдохнул Цзи Сюнь. — Неужто я придавил Ванфэй? Моя вина. Я и не знал, что мой супруг настолько слаб, что не в силах поддержать даже изнуренного болезнью калеку.

Чу Чжаохуай: «...»

Властная, подавляющая аура князя заставляла Чжаохуая инстинктивно искать путь к отступлению, но едкие слова задели его за живое. Стиснув зубы, он упрямо, шаг за шагом, дотащил это «тело» до ширмы.

Снова бадья с ледяной водой.

«Мыться студеной водой в разгар зимы... Не иначе как рассудок помутился»

Эти несколько шагов заставили юношу изрядно вспотеть. Цзи Сюнь лениво оперся о край купели и посмотрел на него сверху вниз.

Сердце Чжаохуая пропустило удар.

«Неужто он заставит меня раздевать его?»

Заметив, как Чжаохуай, точно взъерошенный кролик, настороженно уставился на него, Цзи Сюнь негромко рассмеялся:

— Ванфэй желает остаться и составить мне компанию?

Юноша охнул и пулей вылетел из-за ширмы.

К счастью, князь оказался не настолько «бесстыдным», как он себе воображал, и всё же предпочитал уединение во время омовения.

Вскоре из-за ширмы донесся плеск воды.

Чжаохуай облегченно вздохнул и решил потихоньку выскользнуть из кельи, пока на него не обращают внимания.

«Не выскочит же Цзи Сюнь из бадьи голышом, чтобы поймать меня»

Стоило ему на цыпочках сделать пару шагов к выходу, как раздался голос князя:

— Слышал, Ванфэй проявлял интерес к Лю Чу?

Юноша замер и недовольно поджал губы.

«Какой же он всё-таки длинноязыкий!»

Наверняка этот подпевала Инь Чжуншань донес.

— Верно, — сухо отозвался Чжаохуай. — Никогда не видел таких огромных снежных волков,

вот и спросил пару раз.

Цзи Сюнь усмехнулся:

— Лю Чу нрава кроткого, он не кусается. Если Ванфэй будет угодно, в марте, во время весенней охоты, я возьму тебя с собой.

— Угу.

Он уже собирался уйти, но слова князя снова напомнили ему о «спасителе». Поразмыслив, Чжаохуай признал, что с каштанами он и впрямь поступил нехорошо. Скрепя сердце, он остался ждать.

Спустя некоторое время из-за ширмы слышалось:

— Чжуншань.

Чжаохуай, уже начавший дремать, встрепенулся. Оглядевшись и не увидев стража, он крикнул:

— Ин-тунлина здесь нет.

— Вот как, — протянул Цзи Сюнь. — Стало быть, Ванфэй желает, чтобы я вышел к нему в чем мать родила и поддался порыву истинного беспутства?

Чу Чжаохуай: «...»

Только теперь он вспомнил об одежде на столе. Багровея от злости, он подхватил сверток.

Подойдя к ширме, он всё же не решился заглянуть за неё и вполголоса произнес:

— Ванье, я оставлю одежду на ширме.

— Премного благодарен, — вежливо отозвался Цзи Сюнь. — Ширмы в храме Хуго — вещи изысканные, каждая ценой в сотню монет. Если зазубрина на дереве порвет мои одежды, боюсь, Ванфэй придется раскошелиться. Сумма невелика — цена тысячи таких ширм, не более.

Чу Чжаохуай: «...»

Он как раз замахнулся, чтобы бросить одежду сверху, но, услышав это, замер. Осторожно,

точно величайшую святыню, он водрузил сверток на перекладину, боясь оставить хоть малейшую зацепку.

За те полмесяца, что они провели вместе, Чжаохуай ни разу не видел Цзи Сюня в одной и той же одежде. Он и не подозревал, что простые черные одеяния могут иметь столько фасонов: золототканые узоры, вышивка, иногда даже россыпь драгоценных камней.

Роскошь такая, что Чжаохуаю порой хотелось вытянуть по одной все эти золотые нити и обменять их на серебро.

Превозмогая себя, он шагнул за ширму, не смея поднять глаз.

Раздался всплеск — Цзи Сюнь вышел из воды. Звук капель, падающих на каменный пол, в тишине казался оглушительным.

Чжаохуай почти зарылся лицом в ворох одежды, зажмурившись до цветных пятен.

Ледяная рука потянулась к нему, выдернув полотенце, а затем и нижнее белье.

Шорох ткани о кожу раздавался совсем рядом. Слушая эти звуки, юноша чувствовал, как необъяснимый стыд захлестывает его с головой. Мысль о том, что князь стоит прямо перед ним совершенно нагим, заставляла его желать лишь одного — провалиться сквозь землю.

Как Цзи Сюнь умудряется сохранять такое спокойствие, одеваясь на глазах у другого?!

«Утром еще смел называть меня бесстыдным. Наглый лжец»

«Сам немощен, а на непристойные речи горазд»

Пока Чжаохуай предавался этим мыслям, он почувствовал, как кто-то потянул за край одежды в его руках.

Растерявшись, он на мгновение забыл разжать пальцы.

И тут же над его головой раздался смешливый голос князя:

— Неужели Ванфэй желает лично помочь мне одеться? Что ж, да будет так.

Чжаохуай резко распахнул глаза и уперся взглядом в обнаженную грудь Цзи Сюня.

Чу Чжаохуай: «...»

«Слава богам, он хотя бы штаны надел».

Князь был много выше его. Когда он смотрел сверху вниз, его обычная насмешка превращалась в откровенную издевку.

Сжимая в руках халат, Чжаохуай не знал, куда деть взгляд. Но раз уж тот уже развел руки, пришлось, преодолевая робость, приниматься за дело.

Цзи Сюнь вовсе не походил на человека, изнуренного долгой болезнью. Тело его было статным, точно отлитым из бронзы, но грудь, живот и шею покрывали шрамы. Следы от мечей и копий — каждый из них когда-то нес в себе смертельную угрозу.

Влажные черные волосы прилипли к бледной коже, придавая его облику пугающую дикость и мощь.

Кое-как набросив на него черные одежды, Чжаохуай даже не стал поправлять ворот. Стараясь казаться спокойным, он выдавил:

— Го... готово.

Князь посмотрел на него с усмешкой:

— И Ванфэй собирается выпустить меня в таком непотребном виде?

Юноша вскинул на него глаза и выпалил:

— А ты разве не всегда так ходишь?!

Цзи Сюнь: «...»

Слова сорвались с губ быстрее, чем юноша успел подумать. Осознав, что сказал, он густо покраснел. Схватив лежащий рядом пояс, он принялся поспешно оборачивать его вокруг князя, пытаясь скрыть смущение.

— Ванъе... подними руки.

Цзи Сюнь одарил его долгим, холодным взглядом, но всё же подчинился.

Руки Чжаохуая были мягкими и теплыми. Когда он обхватил ими узкую талию собеседника, это невольно напомнило князю о том, как юноша льнул к нему во сне прошлой ночью.

Тогда, в полузабытьи, Чжаохуай послушно прижимался к нему, теперь же он старался держаться как можно дальше, боясь малейшего прикосновения.

Он туго запахнул ворот князя, который тот обычно оставлял открытым. Рука Чжаохуая всё еще болела, и, не в силах совладать со сложным узлом, он просто завязал ленты пояса мертвым узлом.

— Теперь точно всё, Ванье.

Цзи Сюнь лишь хмыкнул — то ли остался доволен, то ли просто устал придирааться.

Чжаохуай глубоко вздохнул:

— Тогда я...

В ту же секунду князь позвал:

— Чжуншань.

Ин-тунлин медленно отворил дверь и опустился на колени у порога, низко склонив голову:

— Жду повелений Ванье.

Чжаохуай нахмурился.

«Где же он был, когда я звал его минуту назад?»

— Плащ Ванфэй промок. Принеси новый, — велел Цзи Сюнь.

Инь Чжуншань тут же удалился и вскоре вернулся, поднося черный лисий мех.

Чжаохуай ожидал от князя очередной каверзы, но тот, к его удивлению, проявил заботу. Несколько смутившись, юноша пробормотал:

— Там всего пара капель, скоро само высохнет.

Цзи Сюнь, который так искусно притворился хромым, уже успел добраться до ложа.

— В горах холодно. Скорее уж эти капли превратятся в лед, — бросил он.

Спорить Чжаохуай не умел. Он лишь выдавил тихое «ясно» и снял свой промокший плащ.

Зима в этом году выдалась суровой. Под плащом на юноше было лишь светло-сиреневое одеяние с широкими рукавами. Тонкую талию перехватывал пояс, на котором всё еще висела та самая нефритовая подвеска — его единственная ценность.

Князь бросил на него мимолетный взгляд. Глаза его потемнели, а пальцы, сжимавшие шахматную фигуру, побелели от напряжения.

Инь Чжуншань, храня невозмутимость, подошел к юноше и почтительно набросил ему на плечи тяжелый черный плащ с оторочкой из лисьего меха.

По подолу вилась искусная вышивка, подозрительно напоминая узоры на одеждах князя. Чжаохуай поворчал про себя, затягивая завязки, но плащ оказался настолько теплым и уютным, что возражать он не стал.

— Не буду мешать Ванъе наслаждаться игрой, — сухо кашлянув, произнес он.

Цзи Сюнь отвел взор.

— Ступай, поиграй где-нибудь, — рассеянно бросил он.

Чжаохуай, не веря своей удаче, поспешил вон.

«Попытка отблагодарить этого человека — сущая мука. Уж лучше, когда вернемся, раскрыть правду и вылечить его окончательно. Вот тогда мой долг будет выплачен сполна»

Проводив взглядом Ванфэй, Инь Чжуншань затаил дыхание и осторожно произнес:

— Ванъе, Великая княжна желает видеть вас.

Рука Цзи Сюня, державшая камень, замерла.

— Кто?

— Великая княжна Цзи Чаоцю, старшая дочь Его Величества.

— Проси, — коротко бросил князь.

Спустя мгновение в келью вошла Цзи Чаоцю.

Будучи старшей дочерью императора, она вовсе не походила на Цзи И или Цзи Хуна — никаких драгоценностей или шелков. В стенах монастыря она носила простое монашеское одеяние; лицо её, чистое от белил и румян, хранило печать благородства и строгости.

Цзи Чаоцю давно отреклась от мирских страстей. Глаза её были холодны и неподвижны, точно застывшая вода.

— Пятый дядя, пребываете ли вы в здравии? — произнесла она, отвесив поклон.

Цзи Сюнь не поднимал головы:

— Умеешь играть?

— Умею, — кивнула она.

— Садись.

Цзи Чаоцю почтительно опустила голову напротив князя и уверенно принялась за игру. Сделав ход, она внезапно произнесла:

— По пути сюда я видела вашу супругу. Редкая красота... способная взволновать сердце.

— Ты пришла сказать мне только это? — лениво отозвался Цзи Сюнь. — А я-то думал, мы прежде всего обсудим того самозванца, что выдавал себя за Бай Цзи.

Лицо княжны осталось бесстрастным:

— Дядя уже знает?

— Пришлось немного надавить, и он выложил всё как на духу, — Цзи Сюнь вскинул бровь. — Твои люди на этот раз оказались на редкость слабодушными.

Цзи Чаоцю опустила глаза:

— Пятому дяде стоит быть осмотрительнее. Тот человек — бесценное сокровище. Если с ним что-то случится, во всем мире не найдется никого, кто смог бы избавить вас от яда... Я выиграла.

Князь посмотрел на доску.

Белые камни выстроились в ряд. Чистая победа.

Цзи Сюнь: «...»

Настроение продолжать игру исчезло. Он небрежно бросил камни на доску:

— И что ты хочешь этим сказать?

— Он — «лекарственный человек», которого я искала долгие годы, — в голосе княжны, наконец, проскользнули мягкие нотки. — Если добавить его кровь в снадобье или... просто разделить с ним ложе, яд в вашей крови может отступить.

Цзи Сюнь не удержался от смеха, услышав эту нелепицу:

— Неужто в мире и впрямь водятся такие чудеса? Я-то думал, подобное бывает лишь в дешевых сказках.

— Неужели дядя не чувствует искушения? — спросила Чаоцю. — Неужели он недостаточно красив?

— Каким бы ни было лицо человека, — равнодушно отозвался князь, — это всего лишь кусок живой плоти. Какая разница, красив он или уродлив?

Княжна склонила голову:

— Значит, Чаоцю была слишком самонадеянна.

Цзи Сюнь медленно улыбнулся. Протянув руку к стоящему рядом посоху с навершием в виде голубя, он концом древка коснулся щеки племянницы.

Пальцы Чаоцю, скрытые в рукавах, дрогнули, но она не шелохнулась. Гордо вскинув голову, она открыла взгляду беззащитную шею.

— Его Величество даровал мне этот посох, дабы напомнить старшим: не должно зариться на то, что принадлежит младшим, — в голосе князя звучал опасный интерес. — А тебе когда-то

напомнили: не стоит быть слишком честолюбивой и посягать на трон брата. Тогда ты погубила наследного принца, а твой возлюбленный муж и весь его род были истреблены. Тебе пришлось прикинуться безумной, чтобы сохранить жизнь.

Зрачки Чаоцю сузились, в глубине глаз вспыхнула яростная ненависть — но направлена она была не на Цзи Сюня.

— Да.

— Среди тех, кто был послан в Линьань убить Бай Цзи, были и твои люди, — добавил князь.

Княжна замерла, на её лице впервые отразился страх.

Цзи Сюнь медленно провел ледяным наконечником посоха по её горлу:

— Я знаю об этом. Но на сей раз не стану взыскивать.

Холодная капля пота скатилась по лбу Чаоцю.

— Пятый дядя великодушен. Чаоцю знает, что должна делать, и непременно отблагодарит вас за эту милость.

Князь рассмеялся, словно не замечая холода в её словах.

— Хорошая девочка. Иди. Завтра я верну тебе это «лекарство».

Чаоцю глубоко вдохнула и, опираясь на руки, медленно поднялась:

— Слушаюсь.

Их встреча длилась не более четверти часа, но все это время рука Ин-тунлина не покидала рукояти меча.

Стоило княжне уйти, он подошел ближе, нахмурившись:

— Ванъе, Великая княжна должна ненавидеть наследного принца. Зачем же ей понадобилось убивать Бай Цзи?

— Она не станет помогать мне в борьбе за трон из мести за мужа, — небрежно отозвался Цзи Сюнь. — Она лишь хочет мутить воду, надеясь в итоге самой занять место рыбака.

Инь Чжуншань кивнул и добавил:

— Ванъе и впрямь собирается вернуть ей того человека? Может, всё же стоит испытать его?

— Угу, — бросил князь. — Неохота. Противно. Лишаю тебя жалованья на полгода.

Инь Чжуншань: «...»

«А?! Мы же только что о делах говорили! Как вы умудрились так быстро вспомнить про счета?!»

С видом побитого пса Ин-тунлин вышел вон, прикидывая, сколько ему придется занять у Чжоу Хуаня, чтобы просто дотянуть до конца месяца.

Пожинав вместе с Цзи И и Лян Фаном, Чу Чжаохуай снова отправился за каштанами.

Храм стоял на самой вершине горы, добираться сюда было непросто, и торговец каштанами беззастенчиво оббирал богатых паломников. То, что у подножия стоило копейки, здесь продавали за целый лян.

Чжаохуай долго торговался, но не сумел скинуть ни гроша. Видя, что наступают сумерки, он сдался и купил пакет.

На этот раз он был умнее: присев на корточки, он рассыпал каштаны на снегу и ждал, пока они совсем остынут. Лишь когда плоды стали ледяными, он понес их обратно.

Цзи Сюнь уже лежал на ложе.

Чжаохуай оставил сверток на столике. Случайно бросив взгляд на чашу для мусора, он замер.

Там лежала горсть скорлупок от каштанов.

Тех самых, ледяных, промокших в воде... Неужели Цзи Сюнь их съел?

Не мог же он заставить своих гвардейцев давиться этой ледяной крошкой.

Чжаохуай изо всех сил старался скрыть улыбку. На душе у него стало на удивление легко и радостно — словно он сумел приручить дикого, необузданного волка. И пусть этот волк всего

лишь нехотя съел несколько каштанов...

Умывшись, Чжаохуай без долгих раздумий шагнул за ширму.

Цзи Сюнь лежал в одежде, глаза его были закрыты — казалось, он крепко спит.

Облегченно вздохнув, Чжаохуай снял верхнее платье и в одной нижней рубахе осторожно взобрался на постель.

Свечи в комнате не горели, лишь бледный свет из коридора пробивался сквозь щели, освещая узкое ложе. Боясь разбудить князя, Чжаохуай, согнувшись, попытался перешагнуть через него, чтобы добраться до своего края.

— Ох...

Кажется, он снова на что-то наступил.

Прежде чем Чжаохуай успел сообразить, в чем дело, «спящий» Цзи Сюнь резко распахнул глаза. Ладонь его, точно капкан, сомкнулась на лодыжке юноши.

Чжаохуай сдавленно охнул и повалился на постель.

Голос собеседника, хриплый и сонный, прозвучал совсем рядом:

— Чу Чжаохуай... это уже второй раз, когда ты топчешь меня.

На этот раз он даже забыл про свое обычное высокомерие.

Юноша неловко сел, пытаясь отползти подальше. Услышав свое имя, он вздрогнул и пролепетал:

— Пр... прости. Пожалуйста, не сердись.

«Хотя погодите, какой еще второй раз? Это ведь впервые...»

И тут Чжаохуай вспомнил брачную ночь. Кажется, тогда он тоже ненароком наступил на князя.

Цзи Сюнь почувствовал, как в висках начинает пульсировать боль. Он с трудом заставил себя смотреть на юношу.

Чжаохуай, видимо, чувствуя свою вину, послушно сидел, поджав под себя ноги. Белые одежды и черные волосы разметались по постели, скрывая половину ложа. Его тонкая лодыжка всё еще была зажата в широкой ладони князя — точно золотая птица, прикованная цепью.

Прекрасная и беззащитная.

Цзи Сюнь замер. Неужели его недуг снова дает о себе знать? Отчего перед глазами встает образ дивной птицы?

Однако вскоре морок рассеялся.

Ледяная рука сжимала кожу, теплую, точно нагретый на солнце нефрит. Цзи Сюнь невольно опустил взгляд: белая кость лодыжки идеально легла в его ладонь, и близость была столь велика, что он чувствовал биение чужой крови в своих пальцах.

Чжаохуай сидел босой; штанины немного задрались, открывая взору изящную голень.

Чувствуя неловкость, юноша попытался высвободить ногу, но собеседник держал крепко — на коже уже начали проступать красные следы от пальцев.

Всего лишь полоска кожи, всего лишь щиколотка... В этом не было ничего предосудительного.

Но Цзи Сюнь отчего-то чувствовал в этом мгновении некую запретную, порочную сладость.

Чжаохуай видел, что князь молчит, а взор его стал тяжелым и темным — совсем не таким, как обычно. Он перестал улыбаться.

Страх ледяной волной захлестнул сердце юноши. Он с трудом сглотнул и пролепетал:

— Ванье...

«Неужели он велит отрубить мне ногу за то, что он наступил на него дважды?!»

«Пощадите!»

<http://bllate.org/book/15341/1411268>